

Рассматривая право в объективном и субъективном смысле, мы видели, что право есть общественное явление, не могущее осуществляться вне общества, что общество немислимо без права, как и право немислимо без общества. Рассматривая позитивное право как порядок, установленный общественным авторитетом, мы должны были ввести понятие общества в само определение права. Весьма распространенное воззрение, представителями которого являются в Англии — Герберт Спенсер,⁴³ а в Германии — Лилиенфельд,⁴⁴ рассматривает общество как организм.

Некоторые из новейших сторонников этого учения считают его весьма новым. Впрочем, так думают не одни его сторонники: профессор Коркунов, например, который полемизирует против органической теории, полагает, что она возникла не ранее конца XVIII столетия. Однако такое мнение ошибочно, потому что органическое воззрение на общество не было чуждо и древним. Еще Аристотель сравнивал государство с живым телом и на этом основании отрицал возможность существования человека как существа изолированного. Как руки и ноги, отнятые от человеческого тела, не могут вести самостоятельного существования, так и человек не может существовать вне государства. Наконец, самому профессору Коркунову известно, что Платон уподобляет общество человеческому телу в своем диалоге "Государство". Сравнение государства с организмом напрашивается само собой, а потому в древности оно было в обращении не только среди философов: известно, что патриций Менений Агриппа⁴⁵ воспользовался этим сравнением, чтобы убедить плебеев возвратиться в Рим, когда они, возмущенные поведением децемвиров, удалились на Священную гору. В древних христианских произведениях, начиная с Посланий апостола Павла, беспрестанно встречается сравнение церкви с телом: глава церкви — Христос, а верующие — члены церкви — тела Христовы. Древним хорошо было известно, что между отдельными членами существует разделение труда, как и между органами тела. Профессор Коркунов находит, что все эти сравнения чрезвычайно далеки от органической теории в том смысле, как она понимается ныне. В действительности, однако, древние не знали только терминов "организм", "органический" в том смысле, как они употребляются теперь; но они сравнивали общество с живым телом, и за этим сравнением скрывается воззрение, в существенных чертах сходное с тем, которое высказывается новейшими сторонниками органической теории.

Как теперь, так и в древности те, кто сравнивал общество с "живым телом" или организмом, хотели этим сказать, что как члены живого организма по природе связаны в одно целое и вне единства этого живого целого существовать не могут, так и человек по природе составляет часть живого целого высшего порядка — общественного тела или организма: человек, отрешенный от всяких общественных связей, так же немислим, как рука или нога, отсеченная от тела, — в этом заключается тот элемент органического воззрения на общество, который был известен уже древним.

В истории философии органическому воззрению на общество противопоставлялось механическое воззрение. Которое из двух воззрений древнее, решить трудно. Не подлежит сомнению тот факт, что уже софисты, против которых полемизировал Сократ, были сторонниками чисто механического воззрения; Сократ же противопоставлял им воззрение органическое. А именно софисты учили, что общество — искусственное создание, произвольное установление людей. Первоначально люди жили разрозненно, впоследствии же, ввиду невыгод такого изолированного состояния, они вошли в соглашение между собой, образовали общество и государство, создали законы и власть. Словом, софисты понимали общество как искусственный механизм, созданный человеком: с их точки зрения, человек так же возможен в изолированном, как и в общественном состоянии.

Такого же механического воззрения придерживался Эпикур,^{4*} так же понимали общество и многие мыслители Нового времени. Ряд теоретиков естественного права XVII и XVIII века придерживались того мнения, что общественному состоянию человечества исторически предшествовало состояние естественное, когда люди жили разрозненно; общество и государство были искусственно созданы людьми посредством общественного договора: осознавши в определенный момент невыгоды изолированного естественного состояния, люди согласились выйти из него — составили общество, установили власти, создали весь юридический порядок.

В XVII и XVIII столетиях господство такого воззрения на происхождение общества было тесно связано с верой во всемогущество человеческого разума, в его творческую способность. Старым теоретикам естественной школы вообще чужда была идея преемственной связи поколений, Они верили, что человечество может совершенно отрешиться от всех исторически сложившихся преданий. Общество, как механически скрепленное здание, может быть разрушено до основания, разобрано на части и затем вновь построено в любом стиле.

Как только в начале XIX века возникает реакция новейшего историзма против рационализма старой естественной школы, на смену механическому пониманию общества является органическое воззрение. В начале XIX столетия целый ряд противников естественной школы — богословствующие юристы, реакционеры всех возможных оттенков и, наконец, корифеи исторической школы сходятся в одном общем положении, что общество не есть искусственное создание людей. Не общество есть продукт свободного творчества человека, а, наоборот, человек есть продукт исторически сложившихся общественных условий, определенной исторической среды, часть социального организма, подчиненная законам целого. В настоящее время чисто

механическое воззрение на общество, можно сказать, окончательно сошло со сцены. Этому способствовали, с одной стороны, успехи новейшей исторической науки, а с другой стороны — новейшие психологические исследования.

Исторические исследования XIX века неопровержимо доказали, что общественный строй не есть продукт свободного творчества человеческого разума, а представляет результат необходимого закономерного развития человечества. Развитие человеческого общества так же, как и развитие животного организма, подчиняется необходимым законам, коих не властна уничтожить или изменить человеческая воля. Культурная работа каждого нового поколения составляет необходимое продолжение культурной работы предшествующих поколений. Между отдельными поколениями существует теснейшая связь исторического преемства. Сами потрясения и революции составляют необходимый результат предшествовавшего исторического развития. Словом, исторические исследования показали, что как между современниками, так и между сменяющимися друг друга поколениями существует тесная органическая связь.

К тому же результату привело изучение психологии. В XVII и XVIII веках в психологии боролись две одинаково несовершенные теории — эмпириков и нативистов. Нативисты утверждали, что в душе человека есть определенный запас врожденных идей. Эмпирики, напротив того, учили, что не существует никаких врожденных идей, что душа человека в момент рождения представляет *tabula rasa* — белый лист, который может быть заполнен каким угодно содержанием. В борьбе друг с другом оба эти воззрения постепенно видоизменялись и совершенствовались, но эти частные изменения не устранили основных заблуждений того и другого.

На самом деле одинаково неверно утверждение эмпириков, что в нашей душе нет ничего врожденного, и мнение нативистов старой школы, будто запас врожденных идей в душе человека представляется от века неизменным. Новейшие психологические исследования доказали существование закона наследственности в области духа: психическая деятельность каждого человека, как и каждого животного индивида, является продолжением психической деятельности ряда предшествовавших поколений. Мы наследуем от наших предков не только анатомическую структуру их тела и физиологическую их организацию, но также и психологические особенности, ибо психическая сторона нашего существа находится в теснейшей связи с его физиологическим строением. Психологические наблюдения установили тот факт, что у каждого человека и животного есть целый ряд представлений и инстинктов, унаследованных от предков. Тот инстинктивный страх, который испытывает цыпленок, впервые увидевший коршуна, не есть результат индивидуального опыта, а результат опыта предшествующих поколений, установившего неразрывную ассоциацию между представлением большой птицы и представлением угрожающей опасности. Как у

животного, так и у человека существует множество таких представлений — инстинктов, а следовательно, в чем совершенно правы нативисты, — существуют врожденные идеи. Ошибка же нативистов заключалась только в том, что они этот запас врожденных идей представляли себе в виде постоянной и неизменной величины. На самом деле — как психическая жизнь индивидов, так и психическая жизнь целого рода есть величина изменяющаяся, постоянно прогрессирующая, а потому и та сумма представлений, которую отдельный индивид наследует от своих предков, от рода, есть величина изменчивая, прогрессирующая.

Таким образом, психологические наблюдения привели к тому же результату, что и исторические исследования — к признанию существования тесной связи между индивидуальной жизнью отдельной особи и коллективной жизнью рода, к признанию той истины, что индивидуальная жизнь отдельного человека находится в самой тесной связи с коллективной жизнью целого рода, иначе говоря, что человек является членом общественного организма. Признавая полную справедливость этого вывода, нужно, однако, всегда помнить, что социальный организм есть организм *sui generis*, коренным образом отличающийся от организмов в биологическом смысле. Говоря об обществе как организме, следует прежде всего выяснить, в чем состоит основное различие между общественным организмом и организмом порядка биологического. Это упускается из виду многими из социологов и государствоведов текущего столетия: увлечение сходством между организмами обоих порядков нередко переходит в преувеличение, результатом чего является смешение понятий биологических и социологических. В частности, этого недостатка не избег и Герберт Спенсер; параллели, проводимые им между обществом и организмом, большей частью чрезвычайно остроумны, но в конце концов и он впадает в преувеличение, говоря об "общности основных принципов организации" между двумя видами организмов.

Мы не станем входить в подобное изложение и разбор всех этих аналогий, проводимых Спенсером, Лилиенфельдом и другими современными социологами, и ограничимся указанием основных различий между законами жизни организмов обоих порядков. Сам Спенсер указывает на такие важные отличия, которые способны ниспровергнуть его мнение об "общности основных принципов организации". Одно из главных отличий социального организма от биологического заключается, бесспорно, в том, что Спенсер называет "дискретностью" частей социального организма. Все части животного организма непосредственно, физически связаны между собой и образуют одно конкретное целое; тогда как живые единицы, составляющие общество, "дискретны", т. е. свободны от этой физической связи, не находятся в непосредственном соприкосновении, но рассеяны в пространстве, на более или менее далеком расстоянии друг от друга. Словом, между частями биологического организма существует связь физическая; напротив того, между людьми — частями социального организма — связь психическая.

Из этого различия, которое само по себе столь важно, что не допускает отождествления социального организма с биологическим, вытекает другое значительное различие между организмами обоих порядков. Часть каждого растительного или животного организма не составляет сама по себе самостоятельного целого, не может жить вне этого организма, не может отделиться от него, чтобы прирасти к другому какому-нибудь организму. Член же социального организма имеет возможность отделиться от него (например, посредством эмиграции, перемены подданства) и стать частью другого социального организма. Далее, животная клеточка, с которой социологи любят сравнивать человека, может быть членом одного только организма, тогда как человек может быть одновременно членом нескольких социальных организмов. Он может быть сразу членом церкви и государства, которые даже не могут находиться во вражде между собой (как бывало в Средние века, во время борьбы императоров с Папами). Словом, физическая связь, существующая между определенным биологическим организмом и его частями, имеет характер безусловной необходимости; связь же психологическая, соединяющая человека с определенным социальным целым, такой необходимостью не обладает. Необходимость в области социологической выражается не в том, что человек должен быть членом того или другого определенного общества, а в том лишь, что он непременно должен быть членом какого-нибудь социального организма и вне общества существовать не может. Таким образом, человек — и в этом коренное различие между принципами социальной и животной организации — есть свободный член общественного организма: он до известной степени свободен выбирать общество, к которому он желает принадлежать.

Оставаясь в пределах того или другого организма, человек, в отличие от клеточек живого организма, сам выбирает ту функцию, которую он желает отправлять; между тем как каждый из членов животного организма отправляет какую-либо одну, строго специализированную функцию, человек — член общественного организма может отправлять сразу или поочередно множество самых разнородных функций (например, быть одновременно профессором и адвокатом, быть сначала студентом, потом солдатом, а затем уже — членом суда и т. п.).

Как в организме животном, так и в организме социальном существует распределение разнообразных функций между отдельными органами: отсюда и возникает возможность ходячих в наше время сравнений рабочего класса с органами питания, правящего класса с мозгом и т. п. Однако сам Спенсер как раз в этом отношении указывает на важные различия между организмами обоих порядков. В организме социальном разделение труда, или, как выражается Спенсер, дифференциация функций, не может быть доведена до той степени, как в организме животном. В животном организме, например, одна часть — мозг — становится исключительным органом мысли и чувства; в организме социальном такая концентрация представляется

невозможной: всякий орган общественного организма является носителем мысли и чувства. К сказанному Спенсером следует добавить, что наибольшая дифференциация функций животного организма доказывает и совершенство его организации. С организмом социальным дело обстоит как раз наоборот. Общество, где умственное развитие сосредоточено только в одном классе, стоит очень низко на лестнице исторического развития сравнительно с обществом, где умственная жизнь развита во всех его слоях.

С этим связано еще и другое различие, опять-таки указанное Спенсером. В животном организме отдельный член всецело подчинен целям целого: целью организма не служит благо отдельных его членов (например, рук, ног и т. п.), а, напротив того, все эти части служат единой цели благосостояния организма как целого. Совершенно иное дело — организм общественный: тут конечной целью является отдельное лицо: в конце концов, общество существует для своих членов, а не они для него.

Всего этого, казалось бы, совершенно достаточно для установлений той истины, что общество есть организм *sui generis* и что сами принципы социальной организации коренным образом отличаются от принципов организации биологической. Однако злоупотребление биологическими сравнениями вовлекло Спенсера в неверное изображение самого процесса общественного развития.

Современная критика недаром отмечает некоторую аналогию между Спенсером и старой исторической школой немецких юристов. Общественный организм, по мнению Спенсера, развивается совершенно так же, как и растительный и животный организмы, т. е. сам собой, помимо участия человеческого сознания и человеческой воли. Известный американский социолог Лестер Уорд справедливо упрекает Спенсера в том, что учение его не оставляет места для сознательной, целесообразной деятельности отдельных индивидов. С этим замечанием Лестер Уорд связывает такой же упрек, какой сделал Иеринг по адресу исторической школы, а именно: он считает учение Спенсера не только теоретически неверным, но и вредным. Внушая мысль, что в обществе все развивается само собой, учение Спенсера может убить в человеке всякую энергию, привести его к квиетизму и пассивному отношению к окружающей действительности.

То, что Иеринг говорит против Савиньи об участии сознания и воли в процессе правового развития, должно быть повторено и против учения Спенсера о процессе общественного развития. Кто хочет умалять значение самодеятельности и участия сознания и воли в общественном развитии, тот поворачивается спиной к фактам. При

ближайшем знакомстве с историей мы убеждаемся, что всякий прогресс человеческой культуры достигается ценой великих жертв, упорной сознательной борьбой, которая предполагает напряжение энергии, участие сознания и воли. Раз мысль и воля представляют собой существенные свойства человека, они не могут не быть факторами социального развития, хотя, конечно, они и не являются его единственными факторами.

Сторонники старой механической теории думали, что общество есть всецело продукт человеческой воли и сознания. Это учение так же односторонне, как и противоположная крайность некоторых сторонников органической теории, будто все развивается произвольно и бессознательно. В развитии общества участвует как тот, так и другой фактор: и сознательные усилия человеческой воли, и стихийная, растительная сила истории. Чтобы получить верное представление о развитии общества, нужно стать выше противоположных односторонне с той механической и органической теории и сочетать в одном учении истинные стороны той и другой. А для этого нужно признать вместе с Гербертом Спенсером, что общество есть организм и что в развитии его участвуют стихийные, бессознательные силы; а с другой стороны, следует признать и то, что одними органическими факторами жизнь человеческого общества не исчерпывается.

Старые теоретики естественной школы неправильно видели в человеческом обществе единственно произведение разума, продукт человеческого сознания и воли. Но в их учении есть зерно истины: поскольку в развитии общества участвуют лица, воля и сознание являются важным фактором общественного развития. В этом участии человеческой воли и сознания в развитии общества и заключается специальная характерная черта общественного развития и различие между общественным организмом и организмом биологическим.

Это различие и служит главной причиной, почему общественный организм должен быть охарактеризован как организм своеобразный, *sui generis*. В отличие от клеток животного и растительного организма, люди сознают те цели, к которым они стремятся как в совокупности, так и в отдельности; они способны сознательно воодушевляться общественными идеалами и осуществлять их в действительность путем борьбы, ценой упорных усилий и тяжелых жертв. В этом участии сознания и воли в процессе общественного развития и заключается над-органический фактор развития общества.